

Ewa Kubusiak

✉ ewa.kubusiak@uj.edu.pl

🆔 <https://orcid.org/0000-0002-0670-1030>

🏠 Uniwersytet Jagielloński

🌐 Kraków, Poland

🔗 <https://doi.org/10.4467/K7478.47/22.23.17740>

Воровские псевдонимы как элемент криминального дискурса в трилогии Сергея Пясецкого

Резюме

Цель статьи – представление криминальных псевдонимов из “воровской трилогии” Сергея Пясецкого: в романах „Яблочко”, „Гляну я в окошко” и „Никто не даст нам избавления” и их анализ, т.е. определение мотивировки создания неофициальных антропонимов. Романы Сергея Пясецкого автобиографичны. В „воровской трилогии” можно выделить 54 псевдонима и 6 прозвищ. Они созданы Пясецким для художественных целей, однако отображают тенденции образования новых антропонимов, характерные не только для криминальной среды, но также для иных социальных групп. Это свидетельствует о том, что воровские псевдонимы, наравне с социолектами, паратекстами и эгоцентрическими элементами, являются важным языковым компонентом криминального дискурса первой половины XX века.

Ключевые слова

криминальный дискурс, воровской социолект, антропонимы, псевдонимы, литературная ономастика

Criminal pseudonyms as an element of criminal discourse in the novels by Sergiusz Piasecki

Abstract

The aim of the paper is to present the criminal pseudonyms found in Sergiusz Piasecki's trilogy, that is, in the novels "Jabłuszko" ('Little Apple'), "Spójrzę ja w okno" ('I Will Look in the Window') and "Nikt nie da nam zbawienia" ('No One Will Give Us Salvation'), to identify the motivation behind the pseudonyms and to prove that they can be a trace of criminal discourse. In these books, Piasecki described a period of his life in which he himself was a criminal. There are 54 pseudonyms and 6 nicknames in the trilogy. While they are not authentic and were created by Piasecki for fictional purposes, they reflect certain trends in the creation of new anthroponyms that exist not only among criminals, but in many social groups.

This shows that thieves' pseudonyms, next to sociolects, paratexts, egocentric elements, etc., are an important linguistic trace of the criminal discourse of the first half of the twentieth century.

Keywords

criminal discourse, criminal sociolect, anthroponyms, pseudonyms, literary onomastics

Основной темой статьи является проблематика псевдонимов в криминальном дискурсе романов Сергея Пясецкого, составляющих так называемую „воровскую трилогию”: „Яблочко” („Jabłuszko”, Piasecki, 1990a), „Гляну я в окошко” („Spójrzę ja w okno”, Piasecki, 1990b) и „Никто не даст нам избавления” („Nikt nie da nam zbawienia”, Piasecki, 1990c).

Воровские псевдонимы в творчестве Сергея Пясецкого относятся к проблеме литературной ономастики.¹ Исследователь онимов в литературных произведениях, Артур Рейтер, ссылается на концепцию Казимежа Рымута от 2003 г., который считал имена собственные интегральной частью художественного языка, языка произведения (Rejter, 2016a, с. 13). В творчестве Сергея Пясецкого этот язык выполняет точно определенную цель: максимально достоверное представление мира „исключенных”: преступников, воров, контрабандистов. Замыслом этой статьи является описание и анализ антропонимов, которые на уровне изображаемого мира относятся к неофициальной ономастике, т.е. псевдонимов. Следующим этапом исследований – в данной работе всего лишь упомянутый – является введение имен собственных в анализ криминального дискурса,² который я восстанавливаю, учитывая различные аспекты его функционирования, особенно языково-стилистический и прагматический. Криминальный дискурс, в мысль дефиниции дискурса авторства Инны Атрощенко (Atroshchenko, 2015) и Галины Гжмил-Тылютки (Grzmił-Tylutki, 2010), я понимаю как совокупность обычаев, привычек, традиций, норм и правил поведения, культурных представлений, верований, ритуалов, практик и идей участников криминального дискурсивного сообщества, выражаемых с помощью языка и оставляющих следы в тексте.

Прежде чем представить анализ воровских псевдонимов, приблизим коротко биографию автора, так как романы «воровской трилогии» автобиографичны.

Сергей Пясецкий родился 1 апреля 1901 г. в Ляховичах под Барановичами. Учился в школах Бобруйска и Минска, позже в гимназиях

¹ О литературной ономастике см. напр. Wilkoń, 1970; Sarnowska-Giefing, 1984, 2003; Biolik, 1993; Kuffner-Obrzut, 2003; Obrzut, 2012; Rejter, 2016a; Stachurski, 2017.

² Об ономастике дискурса см. напр. Rutkowski & Skowronek, 2010; Rejter, 2016a, b; Rutkowski, 2019.

Владимира и Покрова, где их семья вынужденно оказалась в 1915 г.³. В новых школах мальчик чувствовал себя чужим, потому что именно так относились к нему и ровесники. В воспоминаниях Пясецкий так писал об этом периоде:

Мне было странно, что ребята в классе отнеслись ко мне очень неприязненно. Я сразу стал для них белой вороной. Меня уничижительно называли «полячок», «полячишка», «лях»... А ведь я был полностью русифицирован. О Польше у меня было такое представление, какое тогда бытовало в России: унижительное и пренебрежительное... Поэтому эти клички меня очень обижали (за: Ragoysa, 2001, с. 177).

Школьное образование закончилось внезапно в седьмом классе гимназии, когда Пясецкий „совершил вооружённое нападение на гимназического инспектора” (за: Ragoysa, 2001, с. 177; см. также: Demel, 2001, с. 25; Szuba-Boroń, 2021, с. 99) и попал в тюрьму, из которой потом сбежал и уехал в Минск, где, послетак называемой октябрьской революции, вступил в антибольшевистскую организацию «Зелёный дуб». Что очень важно, в то же время Пясецкий был тесно связан также с представителями криминального мира; все события этого периода стали потом основой упомянутой „воровской трилогии”.

После 1921 г. Пясецкий связал свою жизнь с Польшей, но послепольско-большевистской войны, демобилизовавшись из армии, не имея ни профессии, ни денег, он снова связался с криминальным миром. В 1922 г. он завербовался в польскую военную разведку, в так называемый „второй отдел”.⁴ Пясецкий пребывал в Ракове, местечке с приграничным после 1921 г. статусом, ставшим криминальной столицей и центром контрабанды (за: Ragoysa, 2001). Пясецкий стал контрабандистом и, по его воспоминаниям, пережил на границе немало приключений. События того времени писатель отразил впоследствии в двух своих самых

³ Во время Первой мировой войны имел место процесс массовой эвакуации населения западных губерний Российской Империи после прорыва фронта немцами, так называемое «беженство». Вероятно, семья Пясецких именно тогда вынуждена была покинуть родные места.

⁴ Второй отдел Генерального штаба Войска польского, польская военная разведка в 1918–1939 гг. (см. Czarnecka, 2006; Śleszyński, 2013, 2014; Widacki & Szuba-Boroń, 2020).

известных романах: „Любовник Большой Медведицы” и „Пятый этап”. Однако такой образ жизни имел негативные последствия: после одной из акций Пясецкий попал в самую страшную тюрьму довоенной Польши – в Святой Крест.⁵

Именно там Пясецкий начал заниматься литературным творчеством. Читая в тюрьме Библию и журнал *Литературные новости* (*Wiadomości Literackie*),⁶ он начал изучать польский литературный язык и позже писал книги только на польском. Первым его произведением был „Пятый этап” („Piąty etap”), в котором описывалась жизнь польского разведчика на пограничье, но самым важным романом оказался „Любовник Большой Медведицы” („Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy”),⁷ который принёс писателю мировое признание и свободу: Мельхиор Ванькович заинтересовался творчеством Пясецкого и начал ходатайствовать о сокращении ему срока тюремного заключения. Впоследствии Пясецкому удалось выйти на свободу 2 августа 1937 г. (за: Ragoiša, 2001).

Во время Второй мировой войны Пясецкий работал в конспирации. После войны, в 1946 г., эмигрировал в Италию, где издали „воровскую трилогию”, а потом в Великобританию, где остался до конца своей жизни. Самым популярным романом этого периода являются „Записки офицера Красной Армии” („Zapiski oficera Armii Czerwonej”). Писатель умер в 1964 г. Жизнь и творчеством Пясецкого занимались такие исследователи, как: его многолетний эмиграционный друг и наследник Рышард Демель (Demel, 2001), Кшиштоф Полехоньски (Polechoński, 2000), Петр Рагойша (Ragoiša, 2001), Агата Паливода (Paliwoda, 2009), Гжегож Лукомски (Łukomski, 2021), Анна Шуба-Боронь (Szuba-Boroń, 2018, 2021) и другие.

⁵ Тюрьма усиленного режима, Святой Крест (Święty Krzyż), в бывшем бенедиктинском монастыре. Как пишет Б. Лабендзка, тюрьма считалась самой страшной, потому что среди осужденных большинство составляли криминалисты, отбывающие пожизненное либо многолетнее заключение. Кроме того, очень плохие санитарные условия старой постройки и влажавывывали большую смертность среди заключенных (Łabędzka, 2019, с. 123).

⁶ *Wiadomości Literackie* – общественно-культурная еженедельная газета, выходившая в Польше с 1924 по 1939 год. Публиковали там самые известные в то время польские писатели (за: <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/Wiadomosci-Literackie;3995303.html>, доступ: 8.11.2021).

⁷ О языке „Любовника Большой Медведицы” писали Иоланта Клидек (Klimek, 2012) и Ева Кубусяк (Kubusiak, 2018, 2019).

Романы Пясецкого основаны на автобиографическом материале. Эта „криптоавтобиографичность” видна прежде всего в романах „Любовник Большой Медведицы”, „Пятый этап” и в „воровской трилогии” („Яблочко”, „Гляну я в окошко” и „Никто не даст нам избавления”), во вступлении к которой автор отмечает, что события, описанные в этих романах, „происходят в период от ранней весны 1918 г. в Минске Литовском, в городе, в котором сконцентрировалась тогда жизнь всей прежней Российской империи и Европы” (Piasecki, 1990a, с. 7).⁸ „Воровская трилогия” описывает жизнь вора Олека Барана и его друзей и коллег по профессии.

Изображая криминальный дискурс в своих романах, Пясецкий использовал свои „архивы дискурса”, в которых депонирована „дискурсивная память”.⁹ Как Петр Рагойша (Ragoisha, 2001), так и Анна Шуба-Боронь (Szuba-Boroń, 2021, сс. 8–9) отметили, что Пясецкий ввёл польскую литературу неизвестные и не описанные ранее общественные и бытовые явления, создавая почти документальную опись воровской жизни.

Как уже было отмечено, дискурс оставляет в текстах языковые следы, на основе которых можно его описывать либо реконструировать. Такими следами в „воровской трилогии” являются: криминальный-социолект,¹⁰ подтвержденный словарями воровского языка рубежа XIX и XX вв.,¹¹ метатексты¹² (в том числе многие его эгоцентрические элементы),¹³ паратексты¹⁴ (ссылки, вступления, эпиграфы, заглавия,

⁸ Перевод П. Рагойши (за: Ragoisha, 2001, с. 177).

⁹ Понятия „архив”, „память”, „дискурсивное сообщество” я использую за польскими дискурсологами (Grzmił-Tylutki, 2010; Labocha, 2012), создавшими собственные теории на основании французских теорий дискурса.

¹⁰ Я понимаю социолект как язык социальной группы, члены которой сильно связаны не только профессией, но также тесным общением (за: Wilkoń, 1987, с. 94). Исследования социолекта развивали прежде всего: Grabias, 1997; Piekot, 2008; Kołodziejek, 2015; Szczerbowski, 2018; Kubusiak, 2021.

¹¹ См.: Kurka, 1899; Estreicher, 1903; Ludwikowski & Walczak, 1922; Ułaszyn, 1951; Rak, 2016; Nevzorova-Kmech, 2018. См. также: Musialik, 2018; Galeotti, 2018.

¹² Метатекст – это второй слой текста (Ożóg, 1997, с. 130), тип текста о тексте, который приносит дополнительную информацию о нём и является его комментарием (MSTTT, с. 195).

¹³ Эгоцентрические единицы – это „слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего” (Paducheva, 2019, с. 17); см. также: Tutak, 2009.

¹⁴ Паратекст – это изменчивая окрестность текста, текст отдаленный от правильного текста, окружающий и комментирующий его (Genette, 1992; Loewe, 2007, с. 23).

авторские словари воровского языка в конце каждого романа), воровские псевдонимы, являющиеся весьма важным элементом языкового следа криминального дискурса.

Пясецкий в своей трилогии уделяет большое внимание псевдонимам, которые носят герои романов. Можно предполагать, что часть этих антропонимов не аутентична, однако как они сами, так и способ их создания, отражают тенденции, существующие в разных социальных группах, использующих жаргон (заклѳченные, спортсмены, музыканты и т.д.).

Кинга Заводзинска-Буковец различает понятия „псевдоним” и „прозвище”. Она обращает внимание, что часто эти термины используются неадекватно, и объясняет разницу между ними, касающуюся, прежде всего, прагматической функции выражения эмоций и степени вовлечѳнности в процесс характеристики носителя (Zawodzińska-Bukowiec, 2014, с. 174). В большей степени экспрессивная функция реализуется в процессе создания прозвищ. В случае псевдонимов экспрессивность и оценка носителя не являются обязательными, хотя могут сопутствовать процессу создания псевдонимов. Псевдоним, в отличие от прозвища, реализует функцию дезинформации. Псевдонимы выполняют также ряд других функций: идентификационную, адресативную, информативную, практическую, людическую, метатекстово-идейную, экспрессивную, эстетическую, магическую итд. (Zawodzińska-Bukowiec, 2014, сс. 192–196).

Пясецкий в метатексте романов использует такие понятия, как: псевдоним, прозвище, кличка, имя. Они выступают попеременно как синонимы, поэтому мы не будем заострять внимание на каждом из них.

В „воровской трилогии” можно выделить 54 псевдонима и 6 прозвищ. Под псевдонимом я понимаю антропоним, который замещает настоящее имя и фамилию, выполняя функцию маскировки личности героя. Псевдонимы используются в отношении преступников, которые либо сами выбрали себе такую номинацию, либо получили ее от коллег по профессии. Псевдонимы выступают также как трансформированные прозвища, которые, в свою очередь, относятся в своём большинстве к так называемым „фраерам” – людям, не принадлежащим к криминальной среде, которым не приходится скрывать свою личность.

Исследователи спортивных псевдонимов и прозвищ Марцин Койдер и Мариуш Копер (Kojder & Koper, 2016, сс. 104–106) выделили следующие способы образования определённых антропонимов:

- преобразование фамилий (например: „Franeк” от „Frankowski”);
- преобразование имён („Carlos” от „Karol”);
- преобразование инициалов, создаваемых как аббревиатуры („PePe” от „Piotr Protasiewicz”);
- прозвища, образованные путём метафоры и метонимии.

В романах Пясецкого не выступают псевдонимы и прозвища, образованные путём преобразования имён и фамилий. Однако иногда имена, преимущественно в уменьшительной форме, входят в их состав. К таким псевдонимам можно отнести: *Kasia Złota Trąba* ‘Кася Золотая Труба’, *Piećka Byk* ‘Петька Бык’, *Antek Turek* ‘Антек Турок’, *Fredzia Huzar* ‘Фредзя Гусар’, *Filip Łusy* ‘Филип Лысый’, *Jadzia Ruda* ‘Ядзя Рыжая’, *Janek Złoty Ząb* ‘Янек Золотой Зуб’, *Julek Bankier* ‘Юлек Банкир’, *Sabina Duża* ‘Сабина Большая’, *Sabinka Mała* ‘Сабинка Маленькая’, *Stas Doróżkarz* ‘Стась Извозчик’, *Tańka Diabeł* ‘Танька Дьявол’, *Tośka Sroka* ‘Тоська Сорока’. Появляются также три нестандартные ситуации использования имён в функции псевдонимов. Первый из них это *Dawidka* ‘Давидка’ – этот антропоним я выделила как псевдоним, однако это может быть также диминутив еврейского имени, образованный при помощи суффикса *-ka*, что, по мнению Зофии Курцовой, типично для северо-восточных говоров польского языка и является влиянием белорусского языка (Kurkowa, 2007, с. 404). Второй и третий примеры – это прозвища мужчин, использующих женские имена: *Kasia Śmieszna* – это “высокий, толстый мужик” (Piasecki, 1990с, с. 207) и *Mańka* – этот герой часто вспоминал свою умершую любовницу – Маньку (Piasecki, 1990b, с. 167).

В “воровской трилогии” самую большую группу составляют прозвища и псевдонимы, созданные посредством метонимии и метафоры и использующие индивидуальные особенности речи определённого героя. Автор объясняет их мотивацию эксплицитно либо посредственно или же вообще не намекает на происхождение антропонима. Приведем примеры антропонимов, объяснённых автором эксплицитно:

- *Casy* ‘Цацы’: его так называли, потому что он часто употреблял слово „casy” (Piasecki, 1990b, с. 35);
- *Deseń* ‘Образец’: часто употреблял слово „deseń” (Piasecki, 1990b, с. 87);
- *Janek Złoty Ząb* ‘Янек Золотой Зуб’: у него был раньше золотой зуб (Piasecki, 1990a, с. 73);
- *Kogut* ‘Петух’: из-за причёски как у петуха (Piasecki, 1990a, сс. 68–69);

- *Kulomiot* ‘Пулемет’: он очень быстро говорил – как стрелял из пулемета (Piasecki, 1990b, с. 50);
- *Mańka* ‘Манька’: он любил вспоминать любовницу, которую звали Маńка (Piasecki, 1990b, с. 167);
- *Mongoł* ‘Монгол’: он был косоглазый как монгол (Piasecki, 1990a, с. 158);
- *Papuga* ‘Попугай’: он обожал яркие цвета (Piasecki, 1990b, с. 87);
- *Profesor* ‘Профессор’: в своих высказываниях он употреблял непривычные выражения (Piasecki, 1990a, с. 68);
- *Tośka Sroka* ‘Тоська Сорока’: она любила одеваться экстравагантно, в яркие цвета (Piasecki, 1990a, с. 52);
- *Kasia Śmieszna* ‘Кася Смешная’: герой, который смеялся весело и искренно (Piasecki, 1990c, с. 207).

Вторая группа – это псевдонимы, которых автор не объясняет эксплицитно, но по описанию поведения либо внешности героя читатель сам может предположить происхождение псевдонима. Приведем следующие примеры:

- *Glista* ‘Глист’: днём очень неуклюжий, ночью он везде мог проскользнуть как змея (Piasecki, 1990c, с. 41);
- *Jadzia Ruda* ‘Ядзя Рыжая’: у неё рыжие волосы (Piasecki, 1990b, с. 93);
- *Konwalia* ‘Ландыш’: она обожала ландыши (Piasecki, 1990b, с. 88);
- *Ojciec* ‘Отец’: он приглядывал за другими ворами, разрешал их споры (Piasecki, 1990b, с. 37);
- *Piećka Byk* ‘Петька Бык’: автор описывает его не очень приятную внешность – читатель может предположить, что герой просто похож на быка (Piasecki, 1990b, с. 11);
- *Sabinka Mała* ‘Сабинка Маленькая’ и *Sabina Duża* ‘Сабина Большая’: одна – меньшая, вторая – большая (Piasecki, 1990c, с. 7).

В „воровской трилогии” выступают также псевдонимы, мотивировка создания которых не объяснена автором. Это: *Antek Turek* ‘Антек Турок’, *Azja* ‘Азия’, *Ażur* ‘Ажур’, *Valeron* ‘Окорок’, *Uryga* ‘Урыга’ (в воровском жаргоне: человек, ведущий себя глупо), *Ciamağa* ‘Растяпа’, *Cham* ‘Хам’, *Chinka* ‘Китайка’, *Czort* ‘Чёрт’, *Dziergacz* ‘Дергач’ (птица), *Fredzia Huzar* ‘Фредя Гусар’, *Julek Bankier* ‘Юлек Банкир’, *Kasia Złota Trąba* ‘Кася Золотая Труба’, *Knot* ‘Фитиль’, *Kruk* ‘Ворон’, *Małysz* ‘Малыш’, *Marchewka* ‘Морковка’, *Obywatel* ‘Гражданин’, *Panicz* ‘Маленький барин’, *Szczupak* ‘Щука’, *Stas̄ Doróżkarz* ‘Стась Извозчик’, *Warłam* ‘Варлам’, *Żaba* ‘Жаба’,

Żrebak ‘Жеребёнок’. Прозвища: *Chińczyk* ‘Китаец’, *Grzyb* ‘Гриб’, *Kurta* ‘Курта’.¹⁵

Не все псевдонимы повествователь употребляет последовательно, что затрудняет читателю понимание, о ком идёт речь. У главного героя, Олека Барана, есть два псевдонима: *Mongol* ‘Монгол’ и *Cham* ‘Хам’, но они появляются в романах всего несколько раз, преимущественно мы знаем героя просто как Олека Барана. Из этого можно сделать вывод, что автор хотел подчеркнуть, насколько важными являются псевдонимы для преступников и что они просто необходимы: каждый вор в романе имеет как минимум один псевдоним.

Не очень часто появляется псевдоним также другого важного героя романов – Яся (псевдоним *Panicz* ‘Маленький барин’). Однако в этом случае, благодаря метатексту, которым пользуется автор, читатель хорошо знает, о ком идёт речь: когда в повествовании выступает псевдоним *Panicz*, в скобках добавлена информация, что это именно Ясь.

Подводя итоги вышесказанного, можно утверждать, что псевдонимы и прозвища в „воровской трилогии” созданы преимущественно путём метафоры (напр. Отец, Тоська Сорока) либо метонимии (напр. Янек Золотой Зуб, Цацы). Они часто выступают как двучленные названия, состоящие обычно из диминутива личного имени собственного и второй части псевдонима (напр. Юлек Банкир, Петька Бык). Появляются также единичные названия (напр. Ворон, Малыш). Некоторые герои являются носителями нескольких псевдонимов (напр. Олек Баран это либо Монгол, либо Хам). В метатексте автор обращает внимание на мотивацию создания части псевдонимов. Так представленные и в части описанные Пясецким неофициальные антропонимы выполняют важную роль на уровне изображаемого мира; цель их употребления – это максимально достоверное представление криминальной среды „исключенных”.

¹⁵ Данный антропоним либо восходит к прозвищу диалектной этимологии, либо происходит от названия верхней одежды.

Необходимо подчеркнуть, что „Яблочко”, „Гляну я в окошко” и „Никто не даст нам избавления” — это так называемые „криптоавтобиографические” романы: Сергей Пясецкий сам был преступником, долгое время жил в среде воров и описал потом этот период своей жизни. Даже если некоторые прозвища и псевдонимы, включенные в „воровскую трилогию”, не аутентичны, а созданы Пясецким для употребления в романах, они отображают тенденции создания новых антропонимов, существующие не только среди преступников, но также в других социальных группах (см. Zawodzińska-Bukowiec, 2014; Ziajka, 2014; Kojder & Koper, 2016). Это показывает, что воровские псевдонимы (вместе с другими следами дискурса в тексте: социолектом, паратекстами, эгоцентрическими элементами и др.) являются важным языковым элементом, на основании которого мы можем реконструировать криминальный дискурс первой половины XX века в северо-восточной части межвоенной Европы.

Библиография/References

- Atroshchenko, I. G. (2015). Analiz opredeleniy ponyatiya “diskurs” v sovremennoy lingvistike. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(54), 26–31.
- Biolik, M. (1993). Wstęp. In M. Biolik (Ed.), *Onomastyka literacka* (pp. 9–11). Olsztyn: Wydawnictwa WSP.
- Czarnecka, R. (2006). Oddział II Sztabu Głównego w latach 1921–1939. Zarys organizacyjny i przegląd zawartości inwentarza. *Biuletyn Wojskowej Służby Archiwalnej*, 28, 64–105.
- Demel, R. (2001). *Sergiusz Piasecki (1901–1964). Życie i twórczość*. Warszawa: LTW.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Warszawa: E. Wende i Spółka.
- Galeotti, M. (2018). *The Vory: Russia’s Super Mafia*. New Haven, London: Yale University Press.
- Genette, G. (1992). *Palimpsestes: La littérature au second degré*. Paris: Éditions du Seuil.
- Grabias, S. (1977). *Język w zachowaniach społecznych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Grzmił-Tylutki, H. (2010). *Francuska lingwistyczna teoria dyskursu. Historia, tendencje, perspektywy*. Kraków: Universitas.
- Klimek, J. (2012). O języku *Kochanka Wielkiej Niedźwiedzicy* Sergiusza Piaseckiego. Rekonesans badawczy. In E. Dzięgiel, K. Czarnecka, & D. A. Kowalska (Eds.), *Język*

- polski dawnych Kresów Wschodnich: Vol. 5. Polskie dziedzictwo językowe na dawnych Kresach* (pp. 123–132). Warszawa: Semper.
- Kojder, M., & Koper, M. (2016). Przewiska i pseudonimy sportowców. *Prace Językoznawcze*, 3(18), 101–111.
- Kołodziejek, E. (2015). *Człowiek i świat w języku subkultur*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
- Kubusiak, E. (2018). Sergiusz Piasecki – człowiek pogranicza i jego język (na podstawie powieści *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*). In R. Lipelt (Ed.), *Na pograniczach. O stosunkach społecznych i kulturowych* (pp. 39–55). Sanok: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Jana Grodka.
- Kubusiak, E. (2019). Tożsamość językowo-kulturowa a twórczość literacka (na przykładzie *Kochanka Wielkiej Niedźwiedzicy* Sergiusza Piaseckiego). In B. Żebrowska-Mazur & R. Mazur (Eds.), *Nasz język ojczysty – różne oblicza tożsamości* (pp. 121–133). Kraków: Wydawnictwo Libron – Filip Lohner.
- Kubusiak, E. (2021). Leksyka przestępcza w trylogii złodziejskiej Sergiusza Piaseckiego. *LingVaria*, 1(31), 321–334. <https://doi.org/10.12797/LV.16.2021.31.26>
- Kuffner-Obrzut, K. (2003). Nazwy osobowe w wybranych utworach Małgorzaty Musierowicz. In M. Biolik (Ed.), *Metodologia badań onomastycznych* (pp. 485–498). Olsztyn: Towarzystwo Naukowe OBN.
- Kurka, A. (1899). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakł. Autora.
- Kurzowa, Z. (2007). *Ze studiów nad polszczyzną kresową*. Kraków: Universitas.
- Labocha, J. (2012). Tekst, wypowiedź, dyskurs jako kategorie tekstologiczne. *LingVaria*, 1(13), 29–36.
- Loewe, I. (2007). *Gatunki paratekstowe w komunikacji medialnej*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Ludwikowski, W., & Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”. Ogólny zbiór słów gwarę złodziejskiej*. Warszawa: F. Hoesick.
- Łabędzka, B. (2019). Andrzej Reszczyk – funkcjonariusz więzienia na Świętym Krzyżu (1927–1939). In Ł. Guldon, E. Majcher-Ociesa, W. Rutkowska, & H. Wilk (Eds.), *Świętokrzyskie Studia Archiwalno-Historyczne* (Vol. 8, pp. 121–142). Kielce: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, Archiwum Państwowe w Kielcach, Kieleckie Towarzystwo Naukowe.
- Łukomski, G. (2021). *Sergiusz Piasecki (1901–1964). Przestrzeń wolności antykomunisty ideowego*. Łomianki: LTW.
- MSTTT = Wyrwas, K., & Sujkowska-Sobisz, K. (Eds.). (2005). *Mały słownik terminów teorii tekstu*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm.
- Musialik, J. (2018). Świat zza krat. Język i psychologia rzeczywistości więziennej (na materiale rosyjskiego żargonu przestępczego). In A. Charciarek, A. Zych, & E. Kapela (Eds.), *Jednostki języka w systemie i w tekście* (Vol. 2, pp. 124–130). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

- Nevezorova-Kmech, E. (2018). *Blatna muzyka (Żargon mowy przestępców)* F. V. Trachtenberga i Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”. *Ogólny zbiór słów gwary złodzijskiej* W. Ludwikowskiego i H. Walczaka (analiza porównawcza). *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Russica*, 14, 63–79.
<https://doi.org/10.18778/1731-8025.15.08>
- Obrzut, K. (2012). *Onomastyka literacka w prozie o tematyce wiejskiej Władysława Orkana*. Krosno: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Stanisława Pigonia.
- Ożóg, K. (1997). Operatory metatekstowe w polszczyźnie potocznej. In T. Ampel (Ed.), *Z polszczyzny historycznej i współczesnej* (pp. 129–138). Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej.
- Paducheva, E. V. (2019). *Egotsentricheskiye yedynitsy yazyka*. Moskwa: Izdatel'skiy Dom YASK.
- Paliwoda, A. (2009). *Granice i pogranicza w powieściach Sergiusza Piaseckiego*. Rzeszów: Stowarzyszenie Literacko-Artystyczne Fraza.
- Piasecki, S. (1990a). *Jabłuszko*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- Piasecki, S. (1990b). *Spojrzą ja w okno*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- Piasecki, S. (1990c). *Nikt nie da nam zbawienia*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- Piekot, T. (2008). *Język w grupie społecznej: wprowadzenie do analizy socjolektu*. Wałbrzych: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Angelusa Silesiusa.
- Polechoński, K. (2000). *Żywoć człowieka uzbrojonego: biografia, twórczość i legenda literacka Sergiusza Piaseckiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ragoiša, P. (2001). Sergey Pyasetskiy: fenomen tvorchestva pisatelya rusko-belorusko-pol'skogo pogranich'ya. *Zvezda*, 6, 176–184.
- Rak, M. (2016). Kilka uwag o socjolekcie przestępczym polszczyzny przedwojennego Lwowa. *Socjolingwistyka*, 30, 133–145.
- Rejter, A. (2016a). *Nazwa własna wobec gatunku i dyskursu*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Rejter, A. (2016b). Problematyka płci a nazwy własne. W stronę onomastyki dyskursu. In B. Witosz, K. Sujkowska-Sobisz, & E. Ficek (Eds.), *Dyskurs i jego odmiany* (pp. 301–309). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Rutkowski, M., & Skowronek, K. (2010). Onomastyka dyskursu: zakres, problematyka i metody badawcze. In R. Łobodzińska (Ed.), *Nazwy własne a społeczeństwo* (Vol. 1, pp. 87–95). Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Rutkowski, M. (2019). Dyskursywne kreacje światów w nazwach własnych. In M. Karwatowska, R. Litwiński, & A. Siwiec (Eds.), *Słowo – historia. Historie w słowach* (pp. 179–190). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Sarnowska-Gieffing, I. (1984). *Nazewnictwo w nowelach i powieściach polskich okresu realizmu i naturalizmu*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Sarnowska-Gieffing, I. (2003). Onomastyka literacka – integracja językoznawstwa i literaturoznawstwa?. In M. Biolik (Ed.), *Metodologia badań onomastycznych* (pp. 435–446). Olsztyn: Towarzystwo Naukowe OBN.

- Śleszyński, W. (2013). Ostatni etap działalności wywiadowczej Sergiusza Piaseckiego – materiały z Rosyjskiego Państwowego Archiwum Wojskowego w Moskwie. *Studia Podlaskie*, 21, 343–367.
- Śleszyński, W. (2014). Działalność wywiadowcza Sergiusza Piaseckiego w Ekspozyturze Oddziału II Sztabu Generalnego nr 6 w Brześciu nad Bugiem w latach 1922–1923. *Dzieje Najnowsze*, 1(46), 37–47.
- Stachurski, E. (2017). Socjologiczne uwarunkowania nazw osobowych w utworach Adolfa Dygasińskiego. Cz. 3: Przewiska. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 12(234), 253–265. <https://doi.org/10.24917/20831765.12.25>
- Szczerbowski, T. (2018). *Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
- Szuba-Boroń, A. (2018). Obraz przestępcy w prozie Sergiusza Piaseckiego. *Archiwum Kryminologii*, 40, 535–560.
- Szuba-Boroń, A. (2021). *Obraz przestępcy w prozie Sergiusza Piaseckiego na tle poglądów kryminologicznych epoki*. Kraków: Oficyna Wydawnicza KAAFM.
- Tutak, K. (2009). Wybrane elementy egocentryczne w języku filomatów i filaretów. In M. Skarżyński & M. Szpiczakowska (Eds.), *W kręgu języka. Materiały konferencji „Słowotwórstwo – słownictwo – polszczyzna kresowa” poświęconej pamięci profesor Zofii Kurzowej* (pp. 219–227). Kraków: Księgarnia Akademicka.
- Ułaszyn, H. (1951). *Język żłódziejski*. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe.
- Widacki, J., Szuba-Boroń, A. (2020). *Sprawy o szpiegostwo przed sądami wileńskimi w okresie II RP. Przyczynek do historii zmagañ polskiego wywiadu i kontrwywiadu z wywiadem sowieckim i litewskim*. Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM.
- Wilkoń, A. (1970). *Nazewnictwo w utworach Stefana Żeromskiego*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Wilkoń, A. (1987). *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Zawodzińska-Bukowiec, K. (2014). *Pseudonim polski. Od czasów najdawniejszych do dziś*. Kraków: Wydawnictwo Libron.
- Ziajka, B. (2014). *Językowo-kulturowy obraz świata społeczności wiejskiej utrwalony w przezwiskach i przydomkach (na przykładzie nieoficjalnych antroponimów mieszkańców Zagórza i wsi okolicznych w powiecie chrzanowskim)*. Kraków: Wydawnictwo Libron.